

Хотя стояла зима и вода была скована льдом, внизу, подо льдом, продолжалась жизнь. В подводном царстве всё было спокойно. Мерно колыхались тянущиеся к поверхности гибкие лианы водорослей, и лишь изредка их тревожили проплывающие туда-сюда стайки разноцветных рыбок.

Подводный царь Водовик знал, что всё мирно в его царстве. Поэтому он спокойно сидел на высоком троне в своём искусном дворце, выстроенном в одном из гротов. Лицо его было задумчиво, но вовсе не государственные дела занимали царскую голову, увенчанную тяжёлой короной. Нет, царя волновали сугубо личные проблемы!

Хотя, если вдуматься, не такие уж и личные. Много лет правит Водовик подводным царством, а жены у него до сих пор нет. А раз нет царицы — значит, нет и наследника. Кому он корону передаст, когда состарится и придёт его черёд на покой уходить? На кого царство оставит? Пока ещё крепок и полон сил, надо успеть царевича воспитать — это если повезёт и сразу сын родится. А если сначала дочку супруга подарит?..

Впрочем, он забегает вперёд, сначала надо женой обзавестись. И ведь есть у него на примете одна девица! Всем хороша — и красива, и толкова, и на все руки мастерица. Одна беда — строптива очень. Хотя настоящая царица и должна сильный характер иметь. А уж он постарается, подход к ней найдёт. Уже и подарочек свадебный приготовил — колечко золотое с камнями драгоценными. А искусные мастера по его приказу украсили перстень изображением щуки-царицы. Просто диво-дивное получилось! Ни одна девица

против такого дара не устоит, даже самая своенравная.

— Вот кольцо для рыбы моей! — проговорил Водовик, любуясь перстнем. — Ей понравится!

Но строптивую девицу ещё следовало разыскать, для этого и призвал морской царь своих верных подданных. Явились по его зову морские коньки, выстроились внушительным отрядом. Только лягушка опаздывала — а ведь он на неё возлагал самые большие надежды!

Она уже спешила между рядами морских коньков, усиленно работая гибкими задними лапками, волнуясь, пыхтя и торопясь изо всех сил. Наконец она выплыла перед строем и испуганно замерла, пучеглазо уставившись на Водовика.

Подводный царь медленно опустил драгоценный перстень в шкатулку и, грозно сдвинув брови, обратился к морским конькам:

— Ну и где моя невеста?

Его гвардия молчала. Лягушка поняла, что надо спасти положение, но так запыхалась в дороге, что, как ни пыталась слово молвить, изо рта у неё вылетали только пузыри.

— Не слышу! — прикрикнул Водовик. — Вы что, воды в рот набрали?! — Не дождавшись ответа, он рассвирепел и начал с шумом втягивать в себя воду. — А ну-ка иди сюда! — наконец приказал он.

Лягушку затянул водоворот, и она лишь беспомощно болтала лапками, вращаясь по краю водяной воронки. Зато у неё прорезался голос.

— Во что... Во что вы меня втягиваете? — с трудом просипела она.

Лягушка по спирали подлетела к Водовику и, не рассчитав, почти наполовину впечаталась ему прямо в рот, упёршись передними лапками в его щёки. Она испуганно захлопала глазами, но, находясь в таком странном и неестественном положении, обрела полноценный дар речи.

— Пощадите нас, ваше вод-величество! — умоляюще заговорила она. — Мы глаз с неё не спускали, но она сбежала!

Лицо подводного царя скукожилось от расстройства, словно лимон съел, — ведь он так надеялся, что лягушка принесёт ему хорошие новости! — но тут же начало наливаться гневом, и лягушка торопливо продолжила:

— Найду, найду, ваше вод-величество!

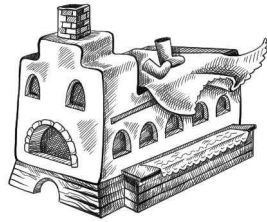
Водовик с отвращением выплюнул лягушку, и она ловко спланировала на ближайший коралл.

— Искать, — приказал он. — По всем колодцам, озёрам, рекам и болотам. Искать-полоскать! — Подкрепляя свой приказ, царь со всей силы ударил посохом о дно. Морских коньков отнесло в разные стороны, и всё заволокла поднявшаяся со дна илистая муть...

Глава 1

УТРО ЕМЕЛИ

Емеля сладко спал на печи в своей родной избе, хотя день в деревне уже давно начался — за окном слышалось пронзительное пение горластого петуха и звонкие мерные удары молота по наковальне.

Сам он вставать и не собирался, да разбудила собака, стянув с него одеяло. Емеля сладко потянулся, постепенно просыпаясь, и задумался.

— Пора на горке кататься, — наконец вспомнил он свои вчерашние планы.

Парень сел на печи, пока не в силах разомкнуть веки, и, услышав удары молота, отметил:

— А батя-то уже в кузнице.

Отец всегда вставал затемно и сразу принимался за работу: дело ждать не будет — он единственный кузнец на всю деревню. Давно зрение потерял, а работу не бросил и со всеми своими инструментами ловко управлялся на ощупь.

Емеля собрался было подняться с печи, но передумал и просто перевернулся на другой бок. Он снова задремал, а когда окончательно проснулся, низкое солнышко заливало избу приветливым светом. Эх, пора вставать, а то покататься не получится — день сейчас короткий, надо успеть засветло. Ну да, знает, что давно взрослый, но никак не может расстаться с детскими привычками. Как отказаться от удовольствия слететь с горы на санках под свист ветра в ушах?!

Емеля слез с печи, наскоро позавтракал, а потом, натянув шапку, тяжёлую шубу и валенки, пересёк сени и толкнул дверь, выходящую на улицу. Теперь предстояла непростая задача — пробраться

мимо занятого делом отца так, чтобы тот его не заметил. Батя, хоть и не видит, а слухом и чутьём обладает отменным. Но помогать ему в работе вместо того, чтобы кататься на горке в своё удовольствие, Емеле вовсе не хотелось.

Отец оказался на улице, возле входа в кузницу. Найдя на ощупь деревянную перекладину, он повесил на неё готовую подкову. И нет чтобы теперь отдохнуть! Однако батя снова принялся качать мехи, а потом, взяв щипцами раскалённую заготовку следующей подковы, бросил её на наковальню, поднял молот и со всей силы ударил по ней.

Емеля хотел было прокрасться мимо отца незамеченным, но снег под валенком предательски скрипнул, и он испуганно замер на месте. Тут же раздался новый удар молота, и его осенило — он снова двинулся дальше, но теперь ступал в снег точно под удары молота, чтобы отец не услышал и не припахал на работу.

Вот уже и до корыта добрался, за которым и направлялся — сам вчера его здесь оставил. Вообще-то оно предназначалось для квашения капусты, но зимой Емеля использовал его вместо салазок, чтобы кататься с горки.

Он тихонько подхватил корыто под мышку и направился в обратный путь, как вдруг его весело окликнул отец:

— На горку пошёл кататься?

— Да, батя, — смутился Емеля.

— Ну, силёнок-то поднакопил? Подсобишь, Емелюшка? — попросил батя.

Емеля замялся, не зная, что ответить.

— Давай-давай, — подбодрил отец. — Посмотрим, дорос ли до кузнечного дела.

Емеля, конечно, считал, что он ещё не дорос — да отец и сам должен понимать! Ростом, конечно, он уже выше бати, но вот работать в кузнице не имеет никакого желания. Емеля отложил корыто, приблизился и рукой замерил расстояние до мехов. Результат его не устроил — он

пригнулся, чтобы казаться ниже, и, не разгибаясь, подошёл к отцу. Тот ласково погладил его по голове.

— Да... — понимающе усмехнулся. И посетовал: — Скорей бы ты вырос, Емелюшка. Уже лет вон сколько, а всё такой же маленький... Ладно, иди на речку, — разрешил он. — Может, хоть рыбки наловишь.

Емеля вскочил с радостным видом, готовый тут же рвануть с места.

— В другой раз поможешь, — напоследок заметил отец.

— Хорошо, бать, — с облегчением отзывался сын.

Емеля выбежал за околицу с корытом под мышкой, но в последний момент, вспомнив о рыбалке, прихватил с собой и ведро-кадушку: вдруг с уловом сегодня повезёт! Тогда и батя его похвалит, и сам он не будет чувствовать себя бесполезным.

Когда Емеля прибежал на горку, катание уже было в самом разгаре — там со-

брались все деревенские ребяташки. Он был значительно старше, выше и крупнее остальных, но его это нисколько не смущало. Емеля как ни в чём не бывало уселся в своё корыто и со свистом понёсся вниз по склону. Всё как он мечтал — ветер свистит в ушах, разлетаются снежные вихри, норовя попасть в лицо, забиться в рот и в нос.

— Поберегись! — заорал он что есть мочи. — Я говорю, отойди отсюда!

Девушки, которые направлялись к речке яркой весёлой стайкой, испуганно отшатнулись, но тут же засмеялись и хором пропели:

Как Емеля на корыте
в город собирался!
Докатился до реки —
щуки испугался!

Раздался очередной взрыв хохота, но Емеля не обиделся — он катился себе дальше, улыбаясь во весь рот.

— Да нужен мне ваш город! — добродушно отмахнулся он. — Мне и здесь хорошо.

Корыто тем временем полным ходом приближалось к реке, покрытой толстой ледяной коркой. Емеля со свистом вылетел на лёд, закрутился и со смехом вывалился из корыта. Поднявшись и отряхнувшись от снега, он огляделся и довольно кивнул — подходящее место для рыбалки нашлось само собой. Раз уж не стал помогать бате в кузнице, хоть с уловом не должен его подвести!

Емеля продолбил небольшую прорубь, уселся возле неё с берёзовой веткой, к которой была примотана леска, и опустил крючок в воду. Вначале ему было даже жарко после горки, но вскоре он начал замерзать, а полынья — покрываться корочкой льда. А рыбы не было и следа.

— Эх, рыба, рыба, — покачал он головой. — Когда ж ты ловиться будешь?

Словно услышав его слова, вода в проруби вдруг забурлила. Емеля с удивлением заглянул в тёмную глубину, ничего не увидел, однако на всякий случай попятился, а потом и вовсе припустил прочь.

А вода бурлила всё сильнее. Вдруг из проруби вырвалась огромная струя в форме гигантской щуки и, догнав Емелю, окатила его с ног до головы. Одежда на нём мгновенно задубела на холоде, на шубе и волосах повисли длинные сосульки. Емеля застыл от неожиданности, не успев понять, что произошло, и в наступившей тишине, показавшейся ему оглушительной, услышал стук ведра. Он осторожно заглянул в него и увидел, что внутри плещется большая щука.

— Ого! — обрадовался он. — Вот это подарок!

Подхватив ведро с неожиданным уловом, Емеля поспешил домой, пока сам не превратился в огромную сосульку.

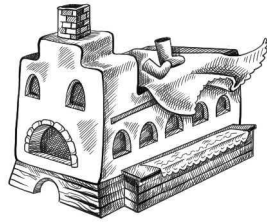
Однако быстро идти всё равно не получилось — обледеневшая одежда стояла на нём колом и недовольно скрипела, стесняя движения и замедляя шаг. С трудом доковыляв до родной избы, он скинул шубу в сених и пошёл к бате — похвастаться уловом.

Глава 2

ГОВОРЯЩАЯ
РЫБИНА

Отец его сдержанно похвалил и от-
правил готовить обед. Емеля, ра-
достный, что может оказаться полезным,
взялся за дело. Сначала он наколот дров
и притащил в дом целую охапку. Растопил
печь, и изба стала потихоньку наполнять-
ся живительным теплом. Он переоделся,
повесил одежду сушиться и постарался
выкинуть из головы странное происше-
ствие на речке.

А странностей произошло много!
Емеля не помнил, чтобы была поклёв-
ка, он не подсекал и не пытался выта-
щить рыбину, а она каким-то чудом са-
ма оказалась в его ведре. И вода перед
этим как-то странно забурлила в прору-
би — он даже испугался, что оттуда сей-

час выскочит невиданное подводное чудище.

Да и ледяной водой его кто-то окатил с головы до ног, прямо в одежде, а ведь в прорубь он не падал — Емеля точно помнил. Но это была всего лишь крупная рыба, и он уже сомневался, что ему не показалось. Мало ли чего почудится на сильном морозе! Ну хоть не с пустыми руками вернулся, и то хорошо.

Емеля подбросил в печь очередное полено, и пламя весело затрещало с новой силой. Он поставил в печку чугунок и в ожидании, когда закипит вода, стал раскладывать на столе ножи и ложки. Сходив в погреб, парень набрал овощей и подготовил их, чтобы положить в суп. Эх, славная выйдет уха!

Мирно потрескивали дрова в печи, закипала вода в чугунке, и в избе совсем потеплело. Настроение у него улучшилось, и Емеля стал напевать себе под нос любимую песню «Калинка-малинка», но с новыми, только что придуманными словами:

Эх, рыбка, ты рыбка,
ты рыбка моя!

— Лаврушечку не забудь! — вдруг раздался чей-то звонкий голос.

— Ага, точно! — машинально согласился Емеля и уже потянулся за приправой, но вдруг замер на месте и медленно обернулся, обводя избу подозрительным взглядом.

— Это кто сказал? — осторожно поинтересовался он, сам не зная, к кому обращается.

— Я! — раздался тот же уверенный голос.

Емеля оглянулся — и не поверил своим глазам — из кадушки высовывалась щучья голова и смотрела на него вполне осмысленными глазами. Получается, добавить лаврушечки советовала именно она — больше некому! Или ему снова мерещится?

На всякий случай Емеля, нащупав на столе самую крупную репку, запустил ею

в странную щуку. Та ловко увернулась, нырнув в воду. Парень с опаской поглядывал на кадушку.

Голова щуки снова высунулась из воды.

— Не попал! — поддразнила она.

— Получается, ты говорящая щука? — запоздало удивился Емеля.

— Мм... А ты быстро соображаешь! — язвительно усмехнулась та.

— Во дела... — растерялся он.

«Нем как рыба» — есть такая поговорка. А эта рыбина не просто разговаривает — она ещё даёт советы и пытается подшучивать над ним!

Емеля от природы был добрым и отходчивым парнем, никогда не обращал внимания на глупые шутки и насмешки. Но терпеть насмешки от какой-то щуки довольно обидно! Надо поскорее пустить её на уху, и дело с концом. Батя скоро из кузницы голодный придёт, а у него ничего не готово, потому что с рыбой разговаривает! Чем он его накормит — речной водичкой?

— В общем, так, — тем временем деловито продолжала шука, как будто всю жизнь только и делала, что сидела в деревянной кадке и командовала оттуда глупыми деревенскими увальнями. — Берёшь кадушку и несёшь меня обратно в прорубь.

Емеля озадаченно почесал в затылке.

— Ага. — Он призадумался. — А как же уха?

— А за это я исполню любое твоё желание! — с нажимом продолжила шука.

Емеля, хоть и был простоват, сориентировался быстро. Он растопырил пальцы на руке и продемонстрировал пятерню своей неожиданной собеседнице:

— Пять!

— А ты дерзкий, — протянула рыбина, но не согласилась: — Только три! Больше нельзя...

Емеля даже не дал ей договорить:

— По рукам! — Надо соглашаться, пока предлагают хотя что-то. Даже не что-то, а целых три желания.

Щука вздохнула, но деваться некуда, и она предложила:

— Значит, повторяй за мной: по щучьему велению...

— По щучьему велению, — послушно повторил Емеля.

— По моему хотению... — продолжала она слова заклинания.

— По моему хотению... — вторил он, словно заворожённый её голосом.

— Хочу... — с намёком остановилась она.

— Хочу... — сказал Емеля и умолк.

В избе повисла пауза, нарушаемая только треском поленьев в печи и еле слышным плеском воды в кадучке.

— Ну? — наконец поторопила щука. — И три любых желания!

Емеля наконец сообразил, что от него требуется, и сокрушённо покачал головой:

— А... Не, я так быстро не могу!

— Ну, это надолго... — вздохнула щука и, взглянув на Емелю, снова скрылась

в кадлушке. Вода плеснулась на пол, и он устался на лужу, словно надеясь прочитать в ней ответ на свой вопрос.

— Что ты сразу... — растерянно пробормотал он. — Это ж дело такое, подумать надо...

Емеля понимал: в таком деле спешить нельзя, а то пожелаешь сгоряча какую-нибудь ерунду и потом всю жизнь жалеть будешь, что прекрасную возможность упустил. Он ведь теперь может всё изменить, да ещё без всякого труда, без утомительной работы в кузнице! И никто больше не станет над ним смеяться, считать деревенским дурачком-переростком, который катается с малышнёй на горке вместо того, чтобы делом заниматься...

Рассудив так, Емеля обхватил кадлушку со щукой обеими руками, подошёл к печи и поставил её рядом со своим любимым местом. Сняв валенки, он забрался на печь и уселся там, мечтательно улыбаясь.

— Это ж надо, — пробормотал он себе под нос и старательно повторил заклина-

ние, чтобы не забыть: — По щучьему велению, по моему хотению... — Он улёгся на печи, закинул руки за голову и устался в потолок. — Хотелось бы, конечно, город посмотреть... — наконец придумал он.

До сих пор Емеля не бывал нигде, кроме родной деревни — впрочем, как и большинство её жителей. Едва он оказался на тёплой печи, на своём привычном и самом любимом месте в доме, его начало клонить в сон. Да и понятно: умаялся он сегодня — сначала с горки вдоволь накатался, потом у проруби промёрз, а под конец его и вовсе ледяной водой окатило прямо на морозе. Но и это ещё не всё: на него неожиданно-негаданно свалилась говорящая щука, пообещавшая в обмен на своё спасение исполнить три его желания! Было от чего растеряться.

Емеля широко зевнул. Он не заметил, что щука стала светиться и от неё в воздухе начали расходиться еле заметные волны. Он по-прежнему лежал, задум-

чиво глядя в потолок сонными глазами. Хорошо бы, конечно, город посмотреть, только...

— ...только вот вставать неохота! — закончил он, закрывая слипающиеся глаза.

Мама в детстве часто говорила, что лень раньше него родилась. Значит, он и не виноват, что ему ничего не охота делать...

— Ну вот ты и загадал первое желание! — тем временем торжественно объявила щука.

Она нырнула в кадку, а с избой в тот же миг стало твориться что-то непонятное. Стены затряслись, потолок накренился. Дом словно начал приподниматься вместе со всем, что в нём находилось, грохоча мебелью, посудой и прочей утварью.

Сон с Емели мигом слетел. Он распахнул глаза, начал с тревогой озираться. Происходящее вокруг ему очень не понравилось — щука что, решила разломать их дом?! Он обхватил кадку обеими руками и уставился на говорящую рыбину.

— Это что, твоя работа?! — потребовал ответа Емеля.

— Желание исполняю! — невозмутимо заметила та.

— Какое ещё желание?! — завопил тот, ничего не понимая.

— Как ты хотел: и город посмотреть, и с печки не вставать, — пояснила рыба.

Изба в очередной раз содрогнулась и приподнялась. Емеля только рот разинул. Вот это дела — сам не заметил, как первое желание загадал! Ну да, он же произнёс заклинание, а следом за ним и желание... Но это же он понарошку — просто повторил, чтобы не забыть! И про поездку в город просто фантазировал — любил помечтать.

И не собирался вовсе туда ехать — чего он там не видел, в родной деревне всё равно лучше. Просто вслух рассуждал, а хитрая щука услышала и тут же стала исполнять. Ну да теперь уж делать нечего — отменить желание нельзя.